

УДК 82-3

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/42/70>

НОВЕЛЛИСТИКА И. С. ШМЕЛЕВА: ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ И ЭВОЛЮЦИИ

©*Костылева И. А.*, ORCID: 0000-0003-0653-2414, канд. филол. наук,
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, Россия, irakostyleva@yandex.ru

I. S. SHMELEV'S NOVELISTIC: PROBLEMS OF TYPOLOGY AND EVOLUTION

©*Kostyleva I.*, ORCID: 0000-0003-0653-2414, Ph.D., Vladimir State University,
Vladimir, Russia, irakostyleva@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются типологические признаки жанра рассказа в творчестве одного из крупнейших русских писателей 20 века — И. С. Шмелева в контексте общей характеристики жанра в начале двадцатого столетия. Подчеркивается реалистическая природа шмелевского рассказа, испытавшая незначительное влияние отечественного модернизма, в частности импрессионизма и экспрессионизма. Исследуются идеи, образная система, поэтика жанра в творчестве писателя, в том числе поэтика сказа. Коротко прослеживается эволюция жанра, анализируются некоторые рассказы в свете литературной критики И. А. Ильина.

Abstract. Discusses the typological features of the genre of the story in the works of one of the largest Russian writers of the 20th century — I. S. Shmelev in the context of the General characteristics of the genre in the early twentieth century. The author emphasizes the realistic nature of Shmelev's story, which experienced a slight influence of domestic modernism, in particular impressionism and expressionism. The ideas, figurative system, poetics of the genre in the works of the writer, including the poetics of the tale are studied. The evolution of the genre is briefly traced, some stories are analyzed in the light of literary criticism of I. A. Ilyin.

Ключевые слова: И. С. Шмелев, И. А. Ильин, рассказ, жанр, реализм, модернизм, поэтика, сказ, эволюция.

Keywords: I. S. Shmelev, I. A. Ilyin, story, genre, realism, modernism, poetics, tale, evolution.

Обращение И. С. Шмелева к жанру рассказа в начале XX века — не случайность, а дань времени. Рассказ на рубеже веков, благодаря А. П. Чехову, становится самой популярной жанровой формой, что было обусловлено эпохой бурных перемен и его мобильностью. К этому жанру обращаются И. Бунин, А. Куприн, Б. Зайцев, Л. Андреев, М. Горький и многие другие. Рассказ в начале века вобрал в себя все богатство самых различных литературных направлений и стилей: реализма, символизма, импрессионизма, экспрессионизма, экзистенциализма, натурализма. С этого универсального жанра и начинается творчество И. С. Шмелева, к нему он будет неизменно обращаться на всем протяжении своего длительного творческого пути: от первых опытов («У мельницы», «К солнцу», «Вахмистр», «Жулик») до зрелых произведений периода эмиграции («Чудесный билет», «Свечка», «Про одну старуху» и др.). Шмелевский рассказ как литературное явление первых десятилетий XX века и традиционен, и в то же время эстетически современен; он вобрал опыт новеллистики Л. Н.

Толстого, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, А. П. Чехова и одновременно испытал влияние модернизма, в частности импрессионизма и экспрессионизма. Однако модернизм в творчестве И. С. Шмелева не имеет доминирующего характера, как, например, в поэтике произведений некоторых его современников (Б. Зайцева, Л. Андреева), а уступает реалистической и даже натуралистической манере письма. С точки зрения Е. Осьминой, можно говорить и об экспрессионистской тенденции в рассказах И. С. Шмелева, что особенно проявилось в новеллистике периода революции, гражданской войны, в 20-е годы, проникнутой трагическим мироощущением. «Эти чувства — скорби, тоски и отчаяния, а также полубезумные герои, сдвиг пространства и времени, нарушение логики, определенные символы... — все это черты экспрессионизма» [1, с. 6].

Поэтика рассказов этого художника слова богата, многообразна и не сводится к устоявшимся эстетическим схемам, не укладывается в определенную систему и заслуживает самого пристального изучения в контексте новеллистики серебряного века и его исхода. И. А. Ильин пронизательно отмечал, что И. С. Шмелев всегда был вне направлений, литературных течений, школ, «он сам — направление, и школа. Он творит не по программам, а по ночным голосам своего художественного видения ... У Шмелева не стиль, а множество стилей...» [2, с. 105]. Наряду с произведениями лирического плана, с ослабленным сюжетом, где главную роль играет настроение, чувство («Птицы», «Христова Всенощная»), в его новеллистике немало динамичных, остросюжетных произведений с ярко выраженной кульминацией, стремительной развязкой, бурным столкновением героев, страстей («Забавное приключение», «Это было», «Свечка», «Сила», «Гунны» и т. д.).

Безусловно, стиль, поэтика рассказов И. С. Шмелева эволюционировали, однако основные черты жанра сформировались в предреволюционное десятилетие. Можно выделить такие типологические особенности жанра рассказа в творчестве Шмелева, как подчеркнутую эмоциональность, отсутствие подробных портретных, пейзажных, психологических характеристик, остроту сюжета, наличие деталей-символов. Важнейшей особенностью шмелевской поэтики является сказ, получивший широкое распространение в русской литературе начала XX века, например в творчестве Е. Замятина, позже — М. Зощенко. И. С. Шмелев — один из лучших мастеров сказа в русской литературе, причем он использует самые различные его модификации, о чем говорят многочисленные произведения: «Это было» (Рассказ странного человека), «Свечка» (Рассказ управляющего), «Чудесный билет» (Рассказ парижанина с Рогожской), «Марево» (Рассказ «бродяги») и т. д.

Тяготение И. С. Шмелева к новеллистической, малой эпической форме проявилось даже в структуре его крупных произведений. Эпопея «Солнце мертвых» представляет собой с сюжетно-композиционной точки зрения цикл рассказов, законченных сюжетно и стилистически, объединенных общей идеей и единым настроением. Роман «Лето Господне» также построен по циклическому принципу: объединения вполне самостоятельных, независимых глав-рассказов в единое эпическое полотно об утраченной России.

Москва сформировала глубоко национальный, почвеннический талант И. С. Шмелева, но не последнюю роль в его жизненной и творческой судьбе сыграл древний Владимир, где писатель прожил семь с половиной лет (1901–1908 гг.) и где после длительного перерыва вернулся в литературу, начав с жанра рассказа. Таким образом, именно в начале века были заявлены основные темы, проблемы, особенности поэтики шмелевской новеллистики. По словам писателя, впечатления этих лет, служебная практика в провинции, знакомство с мелкими ремесленниками, укладом купеческой жизни, мелкопоместного дворянства оказались богатым материалом, который требовал образного воплощения. Обращению к жанру рассказа способствовала и атмосфера «смутного времени», приближающейся первой

русской революции. В автобиографии И. С. Шмелев писал: «Помню, в августе 1905 года я долго бродил по лесу. Возвращался домой утомленный и пустой опять в свою темную квартиру. Над моей головой, в небе, тянулся журавлиный косяк. К югу, к солнцу... И властно стояло в душе моей: надо, надо! Сломать, переломить эту пустую дорогу и идти, идти... на волю...» [3, с. 20]. В этот же день после долгого перерыва был написан рассказ для детей «К солнцу», с которого и начинается галерея новелл в творчестве И. С. Шмелева.

Знаменательно, что этот небольшой рассказ был включен в список произведений, допущенных в ученические библиотеки училищ, как и многие другие произведения И. С. Шмелева, опубликованные в журналах «Юная Россия» и «Педагогический листок». В рассказе угадываются дидактические интенции русской реалистической прозы, впоследствии обогащенные элементами модернистской поэтики. «К солнцу» — лирическая миниатюра, развернутая метафора, передающая размышления человека, сумевшего вырваться из социального и духовного плена. За образом раненого журавленка, отбившегося от стаи и поднявшегося в небо вопреки обстоятельствам, стоит автор, принявший твердое решение стать писателем. В рассказе немало поэтических удач: великолепно и часто с юмором, изначально свойственным Шмелеву, передается «психология» различных птиц и животных, лирические пейзажи органично вписываются в сюжет и невольно заставляют вспомнить И. С. Тургенева. И. С. Шмелева не принято называть поэтом прозы, как, например, его современника Б. Зайцева, но описание журавлей, «рассекающих воздух могучими крыльями», разрезающих его «серебряными криками», догоняющих солнце, вносит сильный лирический элемент. Отныне лирическая нота, подчеркнутая эмоциональность, тяготение к стилистической экспрессии, символикe, педалированию необычной детали станут характерными чертами его поэтики.

Среди первых рассказов И. С. Шмелева — «Гассан и его Джеджи», «Вахмистр», «Жулик», «Иван Кузьмич» и др. Одним из главных и постоянных героев шмелевской новеллы стал так называемый «маленький человек», что позволило автору продолжить и в этом плане тематическую и образную традицию отечественной классики. Кажется, после произведений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского трудно что-либо добавить к портрету этого социального типа, но И. С. Шмелев вложил в этот образ, хорошо знакомый ему по жизненным обстоятельствам, столько страсти, что его герой не затерялся в веренице «униженных и оскорбленных» русской литературы. Об этом свидетельствуют многие рассказы писателя, в том числе и такие, как «Жулик», «Вахмистр», «Чудесный билет».

В рассказе «Жулик» И. С. Шмелев выступает как мастер напряженного внутреннего монолога, своеобразного «потока сознания» чиновника, рожденного, по его собственным словам, в углу и лишенного даже воздуха. Поэтика рассказа отмечена чертами неореализма: акцентируется яркая выразительная деталь, портретные характеристики лаконичны, сведены к минимуму — мы видим немного: скрюченную фигуру в пиджаке с протертыми локтями, измученное лицо незадачливого героя, обтянутое лицо жены с седыми висками, ее усталые бесцветные глаза, согнутую от страха фигуру. Но мы слышим их сбивчивые речи, диалоги, исполненные отчаяния, плач, и в этой способности писателя передать накал чувств героев через их звучащее слово и безошибочно угаданную интонацию заключается главное художественное достоинство рассказа. Самое сильное чувство, владеющее мужем и женой, — страх, переходящий в ужас. Страх — лейтмотив рассказа. «А жизнь прошла, и остался привычный, томительный страх» — это краткий и в то же время исчерпывающий комментарий к образу героя, маленького человека начала 20 века.

Лирика уже в ранней новеллистике соседствует с социальной драмой, трагической экспрессией сюжета и образного рисунка, всего стиля, отчасти напоминающего

экспрессионистскую поэтику произведений Л. Андреева. Однако доминантой стиля и метода И. С. Шмелева остается реализм; гротеск, сдвиг, искажение образа, фантастическая гипербола — не его приемы. Со временем мастерство писателя будет все более совершенным, в манере сказа он достигнет вершин, но неизменными останутся шмелевская страстность и крайняя степень исповедальности, присущая героям его ранних рассказов. «Исповедь раненого сердца», — так впоследствии назовет все творчество Шмелева И. А. Ильин. И в этой мучительной, порой болезненной страстности писатель ближе всего к Ф. М. Достоевскому.

Общепризнанной вершиной новеллистики И. С. Шмелева считается рассказ «Про одну старуху», написанный в годы эмиграции. Г. Струве отмечал, что это произведение является прекрасным образцом сказа и войдет в русскую классику наравне с лучшими произведениями двадцатого века [4, с. 76]. Название рассказа и подзаголовок (Рассказ бывалого человека) символичны, они подчеркивают обобщающий смысл произведения, его трагически-универсальный характер. И. А. Ильин отмечал, что «заглавия у Шмелева всегда символически существенны и центральны: они выражают главное содержание художественного предмета. Таково, например, заглавие «Про одну старуху», где под «старухой» разумеется не только «эта старушка», но еще Россия–Родина–Мать, брошенная своим сыном и погибельно борющаяся за своих внучат, за грядущие поколения: это нигде не выговорено в рассказе, символ не раскрывается в виде научения; напротив, эта символика таится поддонно, молчаливо, но она зрела в душе автора и медленно зреет в душе читателя, который в конце рассказа переживает весь ужас этого прозрения» [5, с. 363].

Рассказ остросужетен, все перипетии драматического повествования подчинены главному — размышлению «бывалого человека», а вместе с ним и автора о трагической судьбе человека в эпоху разлома, социально-политической, экономической и культурной катастрофы. Центральный образ рассказа — типичный собирательный образ русской крестьянки, праведницы, которая и говорит о себе во множественном числе: «Пигачовы-то мы, сироты...». Как отмечает рассказчик, «она была божественная, хорошей жизни». Лаконичен и не менее типичен портрет героини: «Да в каждой губернии таких старух найдется... Махонькая была, сухенькая, а одна ломила — и по дому, и в поле. Легкая была на ногу, кость да жилка, и годов уж за шестьдесят...» [6]. Психологическая характеристика образа также немногословна: «И характером настойчивая была, сурьезная. Сын, Никешка, спяну побьет когда... — да чтобы она соседям!.. Поплачет перед печкой с чугушками — слезой-то и вытекет...» [6]. Обычна для крестьянки и драматическая судьба: нищета, голод, унижения, постоянная борьба за жизнь, бесконечные страдания.

Поездка старухи за хлебом в Тамбов рисует трагическую картину революционной России, где без вести пропавший сын оказывается невольным виновником гибели собственной матери. Сюжет развивается стремительно: на пути героини, выбивающейся из последних сил, возникают все новые и новые трудности, почти непреодолимые препятствия, и когда до освобождения, до родного дома остается один шаг, Шмелев «взрывает» и без того напряженное, лихорадочное повествование трагической кульминацией: встречей старухи с пропавшим на войне сыном, бойцом частей «особого назначения», «заградотряда», который отнимает у матери хлеб. Знаменитый шмелевский сказ возвышает эту ситуацию до высоты античной трагедии: «Ка-ак она восста-ла-а... ка-ак за голову себя ухватит... да закричи-ит! — Во-он ты где?! С ими?! У родных детей хлеб отымаешь?! Мы погибаем–мучимся... а ты по дорогам грабишь?! Родную кровь пьешь?! Да будь ты... проклят, анафема-пес!! Проклят!!!» [6]. Мать не прощает сына даже после его самоубийства и умирает, по словам рассказчика, «от горя». В финале читатель постигает «весь ужас прозрения», когда становится очевидно,

что Россия на краю гибели, что распалась связь времен и поколений, и только мать остается верна своему долгу и призванию — и в этом надежда на спасение и возрождение России. Образ простой старухи возвышается до трагического символа страдающей России.

Тема страдания - основная не только в этом рассказе, но и во всем творчестве И. С. Шмелева. И. А. Ильин называл писателя «ясновидцем человеческого страдания», «поэтом мировой скорби». Критик подчеркивал, что величие И. С. Шмелева заключается в том, что эти страдания человека автор изображает как «судьбоносный путь, очищающий душу и возводящий ее к мудрости и духовной свободе... Но осмыслены и освящены эти страдания только тогда, когда они ведут к Богу» [2, с. 113]. Глубокий нравственный смысл рассказа заявлен не только в сюжете, характере центральной героини, но и в образе рассказчика — «бывалого человека», его жизненной мудрости, многочисленных сентенциях. «Я так соображаю, что либо народу гибель, либо, если выбьется из этой заразы, должен обязательно просветлеть. Всех посетил Господь гневом», — утверждает «бывалый человек» - свидетель и судья своего времени. Рассказчик постигает и глубину человеческого падения, и высоту его духа в испытаниях революции: «Какие превращения видал... — не поверишь, что у человека в душе может: и на добро и на зло. А то все закрыто было. Большое превращение ... на край взошли» [6].

Рассказ «Про одну старуху» невелик по объему, лаконичен, но густонаселен персонажами, событиями, порой, кажется, даже перенасыщен ими. Драматические испытания захлестывают героиню, стремительный ритм повествования все убыстряется по мере приближения к трагической развязке. Этот страстный монолог — сказ соответствует теме «больших превращений» и жизни «на краю». И. А. Ильин писал о языке И. С. Шмелева: «Чем сильнее драматическая или трагическая напряженность рассказа, тем большее значение приобретает каждая деталь текста. Тогда сила скрытого за словами и образами страдания достигает поистине вулканической силы и пророческого парения ... Стиль становится бурей: ритм — катастрофичен ... Паузы — перерывы задохнувшегося сердца» [2, с. 110]. В целом стиль рассказа «Про одну старуху» исследователь назвал «стилем трагической истерзанности».

Рассказ «Про одну старуху» характерен для новеллистики И. С. Шмелева периода эмиграции не только высоким накалом трагического, но и надеждой на пробуждение человеческого, на возвращение к вере и истине. Об этом же — рассказы «Свечка», «Чудесный билет», «Сила», «Христова Всенощная». На что надеяться? — задает вопрос герой рассказа «Чудесный билет» и отвечает: «На Правду, без которой никакой жизни не бывать. Скажи горе: «Двинься и ввергнись в море!». И ввергнется, при великой, конечно, вере» [7].

Список литературы:

1. Осьминина Е. Как это было... // Шмелев И. С. Собр. соч. в 5 т. Т. 7. М.: Русская книга, 1999. 592 с.
2. Ильин И. А. Творчество Шмелева // Ильин И. А. Одинокий художник. М.: Искусство, 1993. 348 с.
3. Шмелев И. С. Собр. соч. в 5 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1998. 342 с.
4. Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. 448 с.
5. Ильин И. А. О тьме и просветлении // Ильин И. А. Собр. соч. в 10 т. Т. 6, кн. 1. М.: Русская книга, 1996. 560 с.
6. Шмелев, И. С. Про одну старуху. Режим доступа: <https://clck.ru/FxfMv> (дата

обращения 2.02.2019).

7. Шмелев И. С. Чудесный билет. Режим доступа: <https://clck.ru/FxfJY> (дата обращения: 10.02.2019).

References:

1. Osminina, E. (1999). *Kak eto bylo ... In: Shmelev I. S. Sobr. soch. V. 7. Moscow. Russkaya kniga, 592.* (in Russian).
2. Ilyin, I. A. (1993). *Tvorchestvo Shmeleva. In: Ilyin I. A. Odinskii khudozhnik. Moscow, Iskusstvo, 348.* (in Russian).
3. Shmelev, I. S. (1998). *Sobr. soch. V. 1. Moscow, Russkaya kniga, 342.* (in Russian).
4. Struve, G. (1996). *Russkaya literatura v izgnanii. Parizh, YMCA-Press, Moscow, Russkii put', 448.* (in Russian).
5. Ilyin, I. A. (1996). *O t'me i prosvetlenii. In: Ilyin I. A. Sobr. soch. V. 6. Book 1. Moscow, Russkaya kniga, 560.* (in Russian).
6. Shmelev, I. S. *Pro odnu starukhu.* Available at: <https://clck.ru/FxfMv>, accessed 2.02.2019. (in Russian).
7. Shmelev, I. S. *Chudesnyj билет.* Available at: <https://clck.ru/FxfJY>, accessed 10.02.2019. (in Russian).

*Работа поступила
в редакцию 17.04.2019 г.*

*Принята к публикации
22.04.2019 г.*

Ссылка для цитирования:

Костылева И. А. Новеллистика И. С. Шмелева: проблемы типологии и эволюции // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. №5. С. 475-480. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/42/70>.

Cite as (APA):

Kostyleva, I. (2019). I. S. Shmelev's Novelistic: Problems of Typology and Evolution. *Bulletin of Science and Practice*, 5(5), 475-480. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/42/70>. (in Russian).